

ЭФФЕКТ МАТРИЦЫ

АНДРЕЙ КОНОПЛЯНИК

*Заместитель Генерального секретаря,
Секретариат Энергетической
Хартии (Брюссель), д.э.н.*

Общеизвестно, что, по крайней мере, в течение нескольких ближайших десятилетий Европа по-прежнему будет зависеть от внешних поставок энергоресурсов и, в частности, от поставок газа. Причем, если сейчас зависимость ЕС от импорта природного газа характеризуется как умеренная (около 40% объема потребления), то, согласно официальным оценкам Комиссии ЕС, в 2020–2030 годах доля импорта в поставках энергии и газа в ЕС достигнет примерно 70%, а расширение Союза только усугубило эту тенденцию. В Зеленой книге «К европейской стратегии безопасности энергоснабжения» от 2000 года, которая представляет собой наиболее значимый документ ЕС по данному вопросу, говорится, что импорт природного газа в страны-претенденты (теперешние новые члены ЕС) может возрасти с 60% до 90% объема спроса.

Среди внешних поставщиков крупнейшим является и будет оставаться Россия. «На геополитическом уровне, — отмечается в Зеленой книге, — 40% природного газа [импортируется] из России. Европейский Союз пока не располагает всеми необходимыми средствами для изменения международного рынка».

Согласно последним оценкам брюссельского Центра экономических и политических исследований (CEPS), в 2020 году Россия поставит в Европу около 250 млрд м³ газа, что составляет примерно половину европейского спроса на газ в том году. Однако из 525 млрд м³ газа, которые должны быть поставлены в Европу в 2020 году, 400 млрд м³ еще не оформлены договорами, включая значительную часть будущих поставок из России. То, какими будут новые договорные условия этих еще не оформленных поставок, имеет критическое значение как для экспортеров, так и для импортеров.

Важной особенностью поставок российского газа в Европу является безукоризненная деловая репутация России, которая вслед за СССР всегда выполняла и выполняет свои обязательства по поставкам в соответствии с долгосрочными контрактами с Европейским союзом. Это отмечено и в Зеленой книге ЕС. Однако прежние заслуги не отменяют необходимости совершенствования структуры договоров поставок, которая должна развиваться адекватно совре-

Поставки российского газа в Европу — важнейшая составляющая экономического благополучия России и энергообеспечения ее западных соседей, объективная основа формирования единого экономического пространства ЕС–РФ. Все говорит о том, что у этого направления внешнеэкономического сотрудничества хорошие перспективы.

В то же время сегодня геополитическая и экономическая ситуация далека от той, что была несколько десятилетий назад, когда закладывались контрактные основы долгосрочных поставок советского газа в страны Запада. Нет СССР и СЭВ, появился расширенный Евросоюз. В экономике движущими силами все более становятся законы глобализации и либерализации. Энергетические рынки на Востоке и Западе вышли на новые стадии развития. Новые реалии требуют корректировки правил игры на газовых рынках.

В последние годы ЕС довольно активно пытается изменить сложившуюся систему взаимоотношений экспортеров и импортеров газа, руководствуясь своими — преимущественно с позиций защиты интересов энергоимпортеров — соображениями об «энергетической безопасности» региона. В принципе, более адекватный современным условиям алгоритм сотрудничества выгоден и России. Но подход к трансформации контрактных структур должен быть комплексным, базирующимся на балансе интересов сторон. Не следует забывать, что, меняя отдельный элемент матрицы, мы устанавливаем новые соотношения в рамках системы, изменяем картину в целом.

менным тенденциям на энергетических и газовых рынках.

Скорее всего, и договорные условия новых российских поставок в Европу будут отличаться от нынешних. Хотя бы потому, что сложившаяся договорная структура формировалась под влиянием политической картины и доминирующих тенденций развития рынка, которые к настоящему времени существенно изменились. И процесс отнюдь не завершен.

Изменения в контрактах неизбежны. Однако они должны соответствовать новой структуре рынка и отражать баланс интересов как производителей (экспортеров), так и потребителей (импортеров). Если же предстоящие изменения породят дополнительные риски в рамках того или иного сегмента цепочки начисления стоимости газа, такие риски должны надлежащим образом контролироваться и перераспределяться между всеми участвующими игроками.

Начало перемен

Одним из наиболее заметных недавних шагов в изменении договорной структуры поставок российского газа в Европу стали усилия Комиссии ЕС, направленные на принудительное исключение «оговорок о пунктах конечного назначения» (территориальные ограничения на продажу) из всех существующих контрактов. Соответствующая работа проводится Еврокомиссией также с экспортерами газа из Алжира и Норвегии.

Такие оговорки являются неотъемлемой частью существующих российских экспортных контрактов на поставку газа в Европу. Но они, по убеждению Комиссии ЕС, противоречат законодательству Евросоюза о конкуренции.

Комиссия ЕС (Директорат по вопросам конкуренции — DG COMP) подняла вопрос об «оговорках о пунктах конечного назначения» в 2001 году в связи с поставками российского газа в Италию, Австрию и Германию. После активных и продолжительных дебатов по этому вопросу соответствующие изменения вносятся в российские контракты («Газпрома») на поставку газа в Италию (с ENI, 2003 г.) и Австрию (с OMV, 2004 г.). Аналогичные переговоры еще ведутся с Германией (с E.ON/Ruhrgas).

Можно ли считать проблему оговорки о пунктах конечного назначения эффективно решенной и создана ли модель, имеющая характер взаимовыгодного и сбалансированного прецедента? Мой ответ: пока нет.

Очевидно, что оговорки о пунктах конечного назначения — это всего лишь один из элементов сбалансированного пакета контрактных условий. Соответственно, обращаясь к математической терминологии, имеет место «эффект матрицы»: изменив один элемент матрицы мы получим новые значения в соответствующих строках и столбцах, новую итоговую сумму всей матрицы, что, в свою очередь,

ведет к установлению новых соотношений в рамках системы, то есть к появлению новой матрицы. Иначе говоря, изменение одного-единственного элемента приводит к изменению картины в целом. И именно поэтому только комплексные изменения всего пакета могут привести к установлению нового баланса интересов сторон.

Говоря о «пакетном подходе», прежде всего, необходимо вычленить основные системообразующие элементы экспортных поставок российского газа в Европу. Этот перечень включает четыре ключевые позиции:

- долгосрочные контракты типа «бери и/или плати» («ДСК БИП»);
- продажи на границе (на внешней границе 15 «старых» государств-членов ЕС, т.е. на внешней границе Организации, существовавшей до 1 мая 2004 года);
- оговорки о пунктах конечного назначения (территориальные ограничения на продажу);
- ключевая роль транзита (как в физическом, так и в договорном плане).

Именно этот комплекс условий отражает исторический баланс интересов в организации торговли газом между экспортерами (СССР/Россия) и импортерами (Европа/ЕС). Соответственно, и новый баланс интересов должен формироваться на основе взаимовыгодной корректировки всех основных элементов сложившейся системы.

Долгосрочные контракты

Нынешняя организация поставок российского газа в Европу — это результат инвестиционных решений, принятых несколько десятилетий назад. Ориентированная на экспорт инфраструктура поставок российского газа в Европу была создана в основном в советский период. В основе экономического механизма ее формирования и финансирования лежат долгосрочные контракты.

В качестве примера можно привести известную сделку 1970-х годов «газ-трубы» — ряд инвестиционных проектов, в соответствии с которыми поставки труб, компрессорных станций, компьютерного обеспечения от европейских партнеров (в основном из Германии, Италии и Франции) для нового строящегося трубопровода в Западную Европу должны были оплачиваться поставками советского газа в эти страны. Сделки основывались на долгосрочных контрактах типа «бери и/или плати», которыми гарантировались долгосрочные поступления доходов для оплаты кредитов и поставок материальных ценностей.

Общеизвестно, что долгосрочный контракт типа «бери и/или плати» является финансовым инструментом, востребованным финансовым сообществом (банками и другими финансовыми учреждениями). Эти контракты обслуживают географическую территорию рынка покупателя на исключительной (монопольной) основе. Про-

давец принимает на себя геологический риск и риск поставки, а покупатель берет на себя рыночный риск.

До начала 1970-х годов, т.е. на более ранних этапах развития энергетических рынков, ДСК БИП являлись неотъемлемым торговым элементом нефтегазовых инвестиционных соглашений стратегических инвесторов (преимущественно иностранных) с принимающими странами — концессий и соглашений о разделе продукции (СРП), которые были в то время главным финансовым/инвестиционным инструментом разработки проектов в области добычи и транспортировки нефти и газа. Это был период абсолютного господства долгосрочных контрактов. Цены в рамках ДСК БИП, как правило, устанавливались на весь срок контракта, поскольку это был период (особенно в конце 1950-х — 1960-е годы) относительно стабильных цен на нефть и фиксированных обменных курсов (до установления плавающего обменного курса доллара США).

С конца 1970-х — начала 1980-х годов (и до начала периода «биржевого (спотового/фьючерсного) ценообразования», который на рынках газа еще не достигнут в большинстве стран, за исключением США и Великобритании) цены на газ в рамках ДСК БИП больше не устанавливались напрямую в абсолютном выражении. В рамках современных долгосрочных контрактов цена на газ устанавливается с помощью «формулы ценообразования» и основывается на так называемых «формулах привязки», которые привязывают цены на газ к ценам на другие первичные энергоресурсы, конкурирующие с газом на конкретном рынке в конкретном секторе конечного потребления.

Например, если российский газ поставляется на электростанции Германии, то его цена может быть привязана к ценам на уголь и топочный мазут (конкурирующие с газом в балансе топливоснабжения электростанций) на германском рынке. Наиболее часто цены на газ привязываются к биржевым (спотовым/фьючерсным) ценам на мазут и сырую нефть, которые зависят от глобальных ожиданий игроков на мировом рынке нефти (на котором этап «биржевого ценообразования» наступил во второй половине 1980-х годов).

На следующем этапе — «биржевого ценообразования» на рынках газа — механизм ДСК БИП будет отделен от «формулы привязки» и будет основываться на сочетании спотовых/фьючерсных/опционных сделок с инструментами хеджирования. Однако долгосрочные контракты как таковые будут продолжать свое существование до тех пор, пока риски, которым подвергается сторона таких контрактов, не будут превышать риски, которым подвергается сторона (особенно поставщик) более коротких по сроку контрактов. Таким образом, рыночная ниша у долгосрочных контрактов сохранится в расширяющемся — по объективным причи-

нам — спектре контрактных инструментов на энергетических рынках.

Объединение в рамках одного инструмента механизмов сокращения как объемных, так и ценовых рисков делает ДСК БИП эффективным финансовым инструментом для новых проектов в области добычи и транспортировки. Он представляет собой востребованный финансовым сообществом механизм сокращения рисков проектного финансирования применительно к долгосрочным, капиталоемким, создаваемым с нуля проектам в области добычи и транспортировки, в особенности в новых регионах, где отсутствует или недостаточно развита производственно-транспортная инфраструктура. Этот механизм был использован для финансирования создания «южного» (через Украину в 1970-х годах) и «северного» (через Белоруссию в 1980-х гг.) основных маршрутов поставок советского (российского) газа в Европу. Недавно был продлен срок большей части заключенных Россией ДСК БИП на поставки в Европу в связи с приближавшимся истечением срока их действия, и были заключены новые ДСК БИП.

Долгосрочные контракты характерны не только для поставок российского газа в Европу. Поставки на основе ДСК составляют более 90% объема импорта газа стран континентальной Европы (см. «Роль долгосрочных контрактов в поставках газа в государствах-членах ЕС»).

После нескольких лет борьбы за принудительное сокращение роли долгосрочных контрактов в торговле газом в Европе Еврокомиссия была вынуждена согласиться, хотя и с оговорками, с их важной системообразующей ролью и в перспективе. Пункт 25 Директивы по газу, изданной Европейской комиссией в 2003 году, гласит: «Долгосрочные контракты будут и дальше играть важную роль в поставках газа государствам-членам, и они должны сохраняться в качестве одного из вариантов обязательств по поставкам газа в той мере, в какой они не подрывают цели настоящей Директивы и не противоречат Договору (о создании ЕС, заключенному в Риме в

1958 году — А.К.), в том числе правилам конкуренции».

Продажи на границе

Известно, что российский газ экспортируется в ЕС в соответствии с долгосрочными контрактами, которые предусматривают в качестве пунктов сдачи-приемки несколько мест на восточных границах «старого» ЕС (в составе 15 государств, т.е. существовавшим до его расширения 1 мая 2004 года). Например, в Баумгартене на словацко-австрийской границе или в Вайдхаусе на чешско-германской границе, и т.д. (пункты «С» на схеме «Экспорт российского газа в Европу: продажи на границе и транзитная компонента»).

Такая договорная структура имеет ясное экономическое объяснение с учетом конкретных исторических обстоятельств. СССР подписывал долгосрочные контракты с европейскими компаниями во времена «холодной войны», когда две политические системы разделяли Европу на зону НАТО на западе и зону СЭВ/Варшавского договора на востоке. В указанных обстоятельствах СССР мог гарантировать надежность своих поставок в Европу (адекватным образом управлять риском поставок) только на территориях, находящихся под его прямым или косвенным контролем, т.е. на всем пути газа из Западной Сибири до внешней границы с Западной Европой. А европейские компании могли обеспечивать контроль над поставками советского газа только на территориях государств-потребителей и импортеров Западной Европы.

Вот почему при поставке советского газа во Францию пункты сдачи-приемки (в которых право собственности на поставляемый газ перешло от советской организации к иностранной компании и до достижения которых риск поставки нес поставщик) были установлены на чешско-германской границе, при поставке в Италию — на словацко-австрийской границе и т.д.

В 1990-х годах политическая ситуация в Европе изменилась: СССР и СЭВ распались, на политической карте Евро-

пы появились новые независимые государства. Однако пункты сдачи-приемки при поставках теперь уже российского газа в Европу остались теми же, поскольку они являются неотъемлемой частью ДСК БИП, которые были подписаны ранее, еще до развала Советского Союза, имели продолжительность до конца 1990-х годов — начала XXI века и были недавно в большинстве своем продлены/перезаключены с сохранением тех же, оправданных деловой практикой нескольких предшествующих десятилетий, пунктов сдачи-приемки.

Это означает, что после расширения ЕС 1 мая 2004 года основные пункты сдачи-приемки поставляемого в Европу российского газа автоматически «передвинулись» внутрь территории ЕС. Появились новые параметры поставок российского газа в Европу, которые не существовали до указанной даты (вновь вспоминаем упомянутый в начале статьи «эффект матрицы»). С юридической точки зрения не существовало поставок российского газа в пределах границы 15 государств-членов ЕС (до 1 мая 2004 г.). Однако в пределах границы 25 государств-членов ЕС (после 1 мая 2004 г.) они существуют, пересекая территории некоторых новых государств, присоединившихся к ЕС. В пунктах «В» (см. схему) изменяется лишь право собственности на трубопроводы (оно переходит от компаний соответствующих государств СНГ к компаниям соответствующих новых государств-членов ЕС), однако право собственности на российский газ, транспортируемый по этим трубопроводам, по-прежнему остается у «Газпрома». Только в пунктах «С» (пунктах сдачи-приемки в рамках ДСК БИП «Газпрома» («Газэкспорта») с европейскими компаниями) право собственности как на трубопровод, так и на газ в этом трубопроводе переходит к этим европейским компаниям.

Итак, расширение ЕС привело к возникновению новой реальности в торговле российским газом с Европой: с 1 мая 2004 года торговля российским газом, с юридической точки зрения, происходит на территории ЕС. Это свидетельствует о том, что в отношениях между Россией и ЕС появился новый вопрос, который должен быть прояснен сторонами: порождает ли эта новая реальность новые риски в рамках существующих газовых поставок для каких-либо участников контрактов? Каковы конкретные виды таких рисков (если они существуют)? Каково их происхождение? Для кого конкретно возникают такие риски? Можно ли и каким образом застраховать, предотвратить или распределить эти риски между участниками?

Эти вопросы не могут оставаться без ответа.

Территориальные ограничения

«Оговорки о пунктах конечного назначения» (или территориальные ограничения на продажу) являются неотъем-

Электронная версия журнала '2004
НЕФТЕГАЗОВАЯ ВЕРТИКАЛЬ
18 НОМЕРОВ НА ОДНОМ ДИСКЕ

121359 Москва, ул. М. Тимошенко, 30
тел./факс: 141-1373, 141-2480, 149-7245, 510-5724

Роль долгосрочных контрактов в поставках газа в государства-члены ЕС

	Италия	Франция	Германия	Испания	Бельгия	Греция
Общий объем поставок в 2002 г. (млрд м ³)	72,5	44,2	94	23	17,5	2,1
Доля импорта в общем объеме поставок (%)	80	96	82	99,5	100	100
Доля ДСК в общем объеме поставок (%)	Нет данных	94	Нет данных	44	91	100
Средний оставшийся срок контрактов (кол-во лет)	14	15	11	Нет данных	Нет данных	Нет данных

Источник: расчеты Секретариата Энергетической Хартии

млемой частью существующих схем российского экспорта в Европу. Они разрешают поставщикам продавать газ различным покупателям по различным ценам и на различных условиях на одном и том же пункте сдачи-приемки. Они ограничивают последующую продажу, а также использование закупленного газа только определенными, указанными в контракте географическими районами сбыта и, таким образом, препятствуют конкуренции «газ-газ» для газа, происходящего из одного источника (страны, компании).

«Реальные» экспортные цены на пункте сдачи-приемки А для поставок на рынки В, С, D и E рассчитываются по формуле встречной цены (цена на рынке потребителя минус затраты на транспортировку с пункта сдачи-приемки А до этого конкретного рынка). Чем больше расстояние от пункта сдачи-приемки до конкретного рынка, тем ниже реальная цена газа на этом пункте для поставок на данный конкретный рынок по сравнению с ценами поставки газа на другие рынки в той же точке.

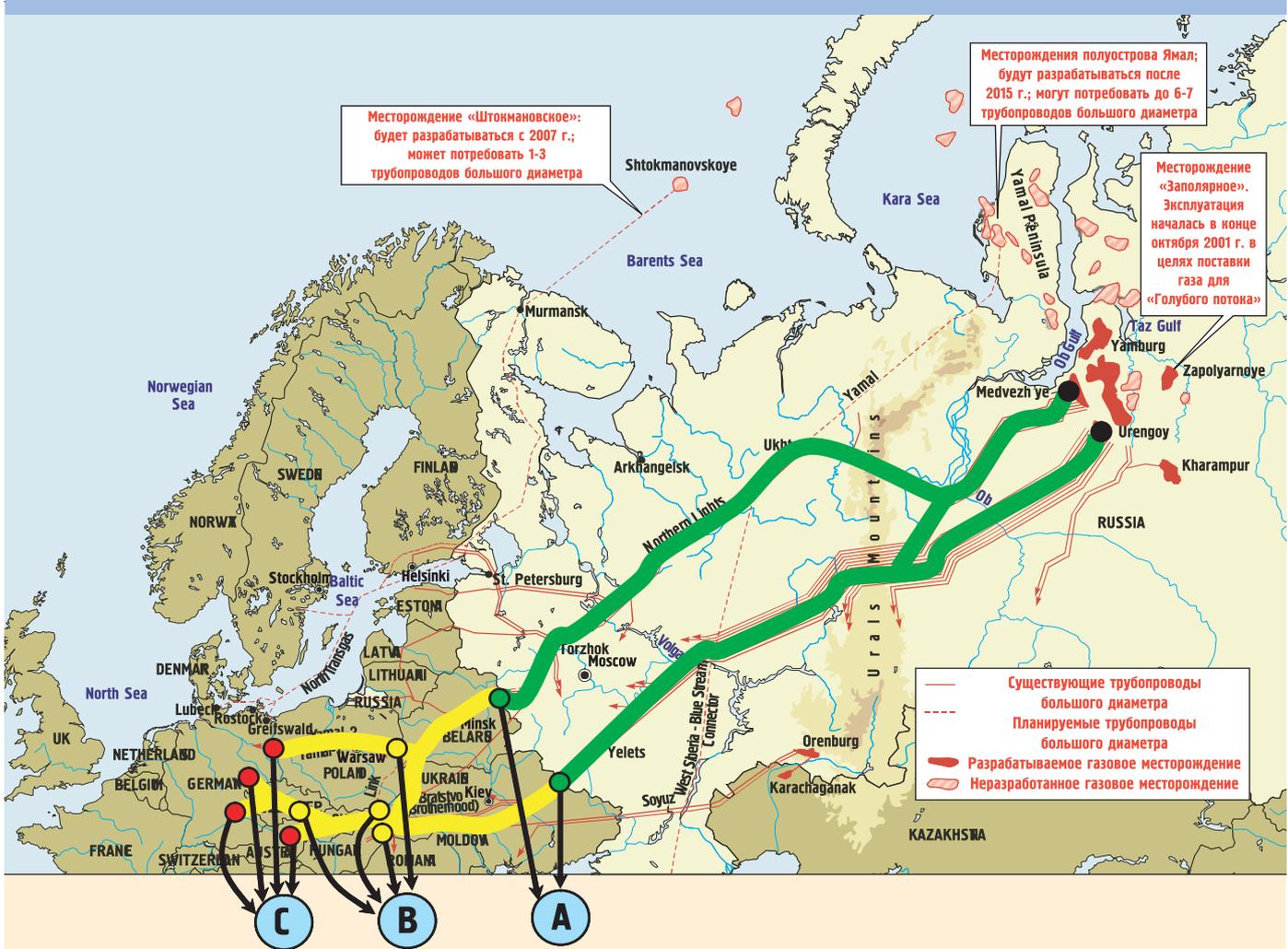
Рассмотрим конкретный пример. Баумгартен является пунктом сдачи-приемки для поставок российского газа в Австрию, Италию и Францию, т.е. в три страны, которые расположены на различном расстоянии (с точки зрения транспортировки) от этого пункта сда-

чи-приемки и на национальных рынках которых действуют различные условия установления цен на энергоресурсы. Оговорки о пунктах конечного назначения запрещают покупателю, приобретающему российский газ для его поставки, например, во Францию, перепродать его в Австрии (в Австрию) (возможно, даже в том же самом пункте сдачи-приемки — в Баумгартене) или в Италии (в Италию) и, таким образом, получить непредвиденную прибыль (или неправомерную выгоду).

Рассмотрим теоретический пример, предположив, что в соответствующих договорах отсутствуют оговорки о пунктах конечного назначения. В этом случае покупатели российского газа, имея свободу выбора, в первую очередь попытаются продать как можно больше газа на австрийском рынке

(ближайшем к пункту сдачи-приемки Баумгартен), где цены на газ наиболее высоки (в относительном измерении — по сравнению с ценами продажи российского газа в том же Баумгартене для поставок в более отдаленные от него, нежели Австрия, страны). Это приведет к перераспределению потоков газа между тремя странами и создаст избыточное предложение газа в Австрии (что приведет к снижению цен на австрийском рынке) и к недостаточному предложению газа во Франции и Италии (что приведет к повышению цен на эти двух рынках). Это, в свою очередь, изменит соотношение цен на газ на трех рассматриваемых рынках и стимулирует обратное перераспределение потоков газа между австрийским рынком и итальянским и французским рынками. Перераспреде-

Экспорт российского газа в Европу: продажи на границе и транзитная компонента

ние потоков, безусловно, затронет и другие — в первую очередь соседние — европейские страны (снова вспомним «эффект матрицы»).

Однако достаточно ли трубопроводных мощностей для быстрого изменения потоков газа в Европе между различными странами в противоположных направлениях? Существует ли эффективный режим доступа третьих сторон на рынке ЕС, который позволил бы существовать таким колебаниям в направлениях и объемах потоков газа? В связи с тем, что такие колебания, скорее всего, будут носить краткосрочный характер, существует ли действенный механизм краткосрочной торговли газом (включая эффективное управление транспортными перегрузками) в континентальной Европе? Мой ответ на эти вопросы скорее будет отрицательным — по крайней мере, на данный момент.

Наконец, отсутствие оговорок о пунктах конечного назначения в рамках существующих ДСК БИП привело бы к существенному нарушению устойчивости и надежности газоснабжения европейских потребителей — в рамках данного теоретического примера, в первую очередь, потребителей во Франции и Италии.

Вот почему в принципе невозможно отменить все оговорки о пунктах конечного назначения во всех долгосрочных контрактах, руководствуясь исключительно техническими и логистическими причинами. Это могло бы спровоцировать перебои в поставках газа, аналогично случаям прекращения подачи энергии, которые недавно наблюдались в Великобритании, Италии, Швейцарии и т.д. Вот почему, на мой взгляд, Комиссия Европейских сообществ пытается решать вопросы об оговорках о пунктах конечного назначения на индивидуальной основе.

От теории — к практике

В 2003–2004 годах под сильным давлением со стороны Комиссии существенные изменения были внесены в два крупных российских контракта на поставку газа в государства ЕС, связанные с оговорками о пунктах конечного назначения: договоры с итальянской компанией ENI (2003 г.) и с австрийской компанией OMV (2004 г.). Кратко проанализируем их с учетом предыдущих разъяснений.

Соглашение между OMV и «Газпром» 2004 года. Объем поставок российского газа в Австрию достигает 5,5 млрд м³ в год, что покрывает 2/3 внутреннего спроса. Поставки осуществляются на основании ДСК БИП с пунктом сдачи-приемки в Баумгартене. Оговорки о пунктах конечного назначения были включены в эти ДСК, предусматривая ограничение на использование газа только в Австрии.

В мае 2004 года OMV и «Газэкспорт» договорились продлить срок существующих контрактов на поставку газа до 2012 года и увеличить поставки до

6,5 млрд м³ в год. Формула расчета цены была изменена: существующая база для расчета цены, в роли которой выступал официальный индекс цен на газ на германском рынке (в г. Висбадене), была изменена на цену нефтепродуктов в г. Роттердаме. Последнее нововведение, по моему мнению, отражает переход от контроля над колебаниями цен на энергоресурсы на местном рынке к наблюдению за поведением цен на глобальном нефтяном рынке. Иначе говоря, происходит дальнейшая интернационализация структур договоров на поставки газа.

Контракты приводятся в соответствии с «условиями либерализованного газового рынка», т.е. оговорки о пунктах конечного назначения из них исключаются «за ненадобностью», как препятствующие свободной конкуренции, и компания OMV больше не связана ограничениями об использовании газа только в Австрии. В данном случае такое изъятие, на мой взгляд, не имеет прямых отрицательных последствий для «Газпрома», поскольку реальная цена на газ в Баумгартене для поставок в Австрию является самой высокой по сравнению с ценами на поставки во Францию и Италию. Поэтому реэкспорт (в результате отмены указанной контрактной оговорки) российского газа, предназначенного для поставок в Австрию, не приведет к прямой упущенной выгоде для российских поставщиков и, скорее всего, просто не будет иметь места в связи с отсутствием экономических стимулов к реэкспорту для покупателя российского газа по этому контракту.

Соглашение между ENI и «Газпром» 2003 года. Объем поставок российского газа в Италию достигает 16,9 млрд м³ в год, что составляет 1/4 внутреннего спроса. Поставки осуществляются на базе ДСК БИП с пунктом сдачи-приемки в Баумгартене, а затем газ транспортируется дальше в Италию по Трансавстрийскому газопроводу (ТАГ). Оговорки о пунктах конечного назначения были включены в эти ДСК, предусматривая ограничение на использование газа только в Италии.

В рамках совместного решения Комиссии Европейских сообществ, ENI и «Газпрома» от 2003 года представлял пакет документов, предусматривающий исключение оговорки о пунктах конечного назначения из всех существующих контрактов на поставку. В новых контрактах будет предусмотрено два пункта сдачи-приемки вместо одного, указанного в существующих контрактах. ENI имеет право перепродавать газ в любой пункт назначения, в том числе за пределы Италии.

ENI обязалась предлагать значительные объемы газа покупателям за пределами Италии в течение пяти лет начиная с 1 октября 2003 года. Если достаточные объемы не будут проданы за первую половину указанного периода (до 1 апреля 2006 г.), ENI организует аукцион в Баумгартене. ENI не будет включать положения о согласии в свои

новые контракты в Италии. В период с 2008-го по 2011 год ENI будет содействовать увеличению мощностей контролируемого компанией (за счет владения контрольным пакетом акций) газопровода ТАГ (по которому поступает 100% российского газа, экспортируемого в Италию), а также улучшению доступа третьих сторон (ДТС) к ТАГ для его использования в целях транзита.

В данном случае отмена запрета на реэкспорт чревата, на мой взгляд, отрицательными последствиями для «Газпрома», поскольку реальная цена на его газ в Баумгартене для поставок в Италию является более низкой по сравнению с ценой для поставок в Австрию (видимо, именно поэтому в соответствующем — от 6 октября 2003 года — пресс-релизе Еврокомиссии по поводу достигнутого решения было сказано, что первоочередную выгоду получают, в частности, австрийские потребители). По крайней мере, ENI получает необоснованное преимущество в случае прямой перепродажи на аукционе в пункте сдачи-приемки в Баумгартене газа, закупленного у «Газпрома», если дополнительная прибыль, полученная на аукционе, поступит исключительно в распоряжение ENI.

Является ли этот вывод верным? Получает ли ENI необоснованные выгоды?

Является ли сделка сбалансированной, включая также дисконтированный во времени эффект затрат и выгод (оговорки о пунктах конечного назначения исключены из существующих контрактов, в то время как повышение пропускной способности ТАГ и вопрос о ДТС отложены на будущий период — 2008–2011 гг.)? Станет ли механизм раздела дополнительной прибыли (аналогичный модели, используемой в алжирском ДСК) более справедливым решением в случае его использования на предполагаемом аукционе, который должен/может начаться после 1 апреля 2006 года? Ответы на эти вопросы имеют принципиальное значение.

По мнению некоторых экспертов, исключение оговорок о пунктах конечного назначения должно быть четко обусловлено и увязано с введением полного и неограниченного доступа третьих сторон к газотранспортной системе ЕС. Без такой увязки импортеры газа получат необоснованные преимущества по сравнению с экспортерами.

Однако на сегодняшний день неограниченный ДТС к газотранспортной системе ЕС является заявленной целью и установленным юридическим обязательством, которое пока еще полностью не реализовано на практике. И, по всей видимости, оно не будет реализовано в полном масштабе, по крайней мере, в ближайшие несколько лет. Во всяком случае, так представляет себе положение дел само европейское газовое сообщество.

Что касается транзитной составляющей комплекса вопросов, связанных с поставками российского газа в Европу, то об этом в следующей статье. ■